

К 100-ЛЕТИЮ РУССКОГО ТЕАТРА

У ИСТОКОВ ОСЕТИНСКОЙ СЦЕНЫ

С первых лет существования театра во Владикавказе в его артельном зале, среда русской публики, стали появляться не только представители осетинской интеллигенции, но и, как свидетельствуют документы, многие сельские жители — горцы, приезжавшие в город по своим делам.

Сценическая жизнь увеличилась, докормила многих. И среди первых следует назвать имя Коста Леонаовича Хетагурова — одного из самых замечательных представителей осетинского народа, поэта и публициста, художника и ученого, человека широкого круга общественных интересов и художественного творчества. Коста Хетагуров был в числе первых осетин актеров-любителей. В конце 80-х годов прошлого века народный поэт устраивает во Владикавказе спектакли и живые картины — распределенные в то время артели. Он сам играл главные роли, участвовал в создании сценических картин и как художник.

В сезоне 1887—88 гг. Коста работает в русском театре декоратором, оформляет постановку оперетты «Цыганский барон» в «Хаджи-Мурат», феерию «Дети колдунья Грентя». В то время декорации в русском театре далеко не всегда отличались талантливостью и добросовестным исполнением. Естественно, что декорации, выполненные талантливым художником, обратили на себя внимание публики и печати. «Новая декорация для «Цыганского барона», писавшая г. Хетагуровым, исполненная хороша», — отмечала «Терские ведомости». Хвалила газета и оформление оперетты «Хаджи-Мурат» — декорациями горного леса и ущелья. Полным успехом увенчалась почти месячная работа Коста над постановкой феерии, в которой он, «по образу столичных театров», показал «зрелищные места приключений горцев Жюль Верна». На парюном представлении феерии публика три раза вызвала художника на сцену и шумно приветствовала его.

Бескорыстно, самоотверженно, как искусником в арктических дебрях, Коста работал в театре, всячески предпринимая условия. Этим воспользовался нечестопластный распорядитель группы в области большой труппы художника вычуждой суммой. В то время было немало театральных деловодов, которые вяло эксплуатировали актеров, работников теат-

ра. На этот раз жульничество распорядителя группой не прошло ему даром. Друг Коста художник и журналист А. Бибич опубликовал в печати письмо об этом возмущительном случае. Вместе с автором письма переговоров все честные люди города.

Исследователям жизни и деятельности Хетагурова не удалось выяснить, чем закончилась эта нашумевшая история. Надо полагать, что Коста все же был удовлетворен в своих требованиях. Он не остался в обиде на русский театр и продолжал в нем работать. «Многие декорации», сообщала в июне 1889 года печать, — обновлены художником Хетагуровым, есть совершенно новые, написанные тем же художником: в очень надурно... Службою не мая урале... Последняя фраза говорит о том, что задал художнику на этот раз деле урале, не театральная комиссия.

Еще через год увлеченность поэта театром открыла новую страницу в его творческой биографии. Коста завершил работу над первым вариантом пьесы «Душа», в которой он выступал в защиту равноправия женщин.

Осетинская интеллигенция — вне зависимости от профессии и национальностей каждого из этой среды — проявила исключительный интерес к русской сцене. Недалеко уезжая «устоявать», например, этот интерес у известного писателя Г. Цаголова, автора обстоятельной, великой работы «Край беспроектной нужды».

Г. Цаголов издавна выступал в местных газетах с рецензиями на спектакли. Но эти ам-гудателы, в отличие от обычных, почти не касались актерской игры. Пьеса, показанная на сцене, была для публики — и экономиста лишь поводом для разговора с читателем о наиболее местных делах...

Так, в 1901 году во Владикавказе гастролировала труппа украинских актеров, которые, как всегда, показывали пьесы из жизни простого народа. Цаголов написал рецензию на пьесу Крапивинского «Две семьи», которую почти целиком посвятил разбору ее содержания. Он назвал «о сельских мировоззрениях», о их оторванности от действительности... Развивая тему, Цаголов перекопал от пьесы к местной жизни.

Г. Цаголов любил и хорошо знал русскую сцену во Владикавказе, театральное искусство. Когда в городе отмечалось 40-летие театра, не кто-нибудь другой, а именно он написал большой доклад о его истории, в его нравственном влиянии на народ. Доклад был прочитан перед торжественным юбилейным совещанием. К сожалению, текст доклада опубликовать не удалось.

С годами всеобщим театром стала учащаяся осетинская молодежь, произведшая на сцене пьесы и ваярившая, скрывая предвещения, чьи-то равностойные извещения учебным заведениям.

Сначала учащимся категорически запрещалось посещать театр. Запрет отменяли только в начале этого века, но в то время не каждое посещение театра требовалось разрешение начальства.

Антрепренеры начали устраивать специальные спектакли для учеников, показывая на них, главным образом, русскую классику. Билеты стоили недорого. В помещениях театра становилось темно и шумно — для русской в осетинской молодежи такие спектакли всегда были привлекательны, что они могли сравниться с теми увлекательными, культурными театральными представлениями.

Отличительной сценой на каждом добрый порыв в человеке, ее элитарность покорили многих молодых поэтов. Сцена на призывали, судьбы, в становлении родного, национального театра — важным делом.

Об этом рассказывает в своем воспоминании профессиональный актер Осетия Б. И. Тотров:

«Когда я, сельский подросток, поступил в городское училище, в моей жизни случилось событие, раскрывшее передо мной окно в чудесный, совершенно неизведанный мир. Новое увлечение затмило в моем сознании все, предельные интересы, прозвучали в страсть».

Прозвонившая в то время труппа актеров ставила в городском театре отрывки из оперы «Фауст». Квартирная хозяйка взяла меня с собой в театр, заболело предупредила: «Что бы там ни увидела, не бойся. Это только театр, представление».

И вот я в театре... Острила славная. Меня ослепила сцена, театральная обстановка... Яркие костюмы, песни, музыка — все это нахлынуло на меня, захватывало...

Я вышел из театра, потрясенный впечатлениями. Через неделю или две я снова вошел на утренний спектакль вместе со своим товарищем — одноклассником. Шла трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта».

Вскоре мне удалось познакомиться с замечательным писателем русских драматургов. Это была «Горе от ума» Грибоедова, «Ревизор» Гоголя, «Гроза» Островского.

Я достал пьесы, увиденные на сцене, и по целым дням читал их, перечитывал, утратил жажду, земляничал, поздравлял авторов...

Такое же пристрастие к театру, к его искусству охватило в молодые годы и Е. Бритаева — будущего автора первых пьес, написанных на осетинском языке. Можно сказать, что профессиональный осетинский театр начинался у

рамы русской сцены, в зрительном зале...

Русско театральное искусство с его гуманистическими, демократическими устремлениями, не позволяло, как того хотели бы проводники шовинистической политики, а, напротив, активизировало и ускорило за собой гонимые Сельские осетинские общества, впрочем, душевному развитию народа.

Разумеется, рост самосознания осетинского народа, его культуры была вызвана многими причинами. Но именно в зрительном зале русского театра рождались смелые творческие замыслы окрепшего осетинского драматурга и верного актера... Именно в этом зрительном зале у многих передовых представителей осетинской интеллигенции появилось стремление создать свой национальный театр.

Примечательны биография пионерки осетинского театрального искусства, жизненные судьбы этих людей. Саламатиев Мамсуров, видный коммунист, сподвижник С. М. Карлова, один из самых авторитетных руководителей спортивного Совета власти в Осетии, был посредником между Бригадой и Тотровым, организатором первого представления на осетинском языке.

Самое горячее участие в осетинском кружке актеров-любителей принимал Андрей Густин. Как и Тотров, он мечтал стать профессиональным актером, но революционная борьба вскоре захватила его/целиком, отодвинула все остальное на вторую план... Он героически погиб в годы гражданской войны на Терее.

С увлечением играла в любительских спектаклях Надежда Калоева — учительница по профессии, смелая, отважная девушка, посвятившая себя революции. Царские власти послали ее в Сибирь, на второй год.

В первом постановке пьес Бритаева «Лучше смерть, чем позор» и «Любавинский в России» участвовал, тогда еще одним из «Черных Баш» — будучи в Грозном, герой борьбы за Советскую власть.

Самоотверженно служил народному осетинскому театру С. Джамбаев — друг Коста Хетагурова, революционер, жертва барских репрессий после поражения первой русской революции.

Именно эти люди — самые верные представители народа, революционеры, оказавшие в среде актеров-любителей, ибо они наиболее ясно понимали, как отличивая и отличивая театральная сцена, была велика ее общественное, культурное значение.

Будущая творческая дружба, единство замысла связывали энтузиастов — единателей национального театрального искусства — первую осетинскую женскую драматурга Розу Кочубову, сына чернорабочего М. Гогичева, любимца публики И. Кодаева, Х. Дамагова — впоследствии профессора сельскохозяйственного института, Г. Хасиева — бесогонного гудера кружка и переводчика на осетинский язык пьес Л. Толстого «Первый вихор»...

«Все мы, осетинские любители актеры», — вспоминает Б. Тотров, — были частыми посетителями русского театра, смотрели все его постановки, учились у талантливых актеров, которых немало побывало во Владикавказе. Мы интимно были в себе все лучше, что делали в то время русский театр».

В советское время Б. Тотров стал одним из организаторов профессионального осетинского театра и более четверти века нес затем вздохнувшую, частично службу родной сцене. И всегда он с благодарностью, с большой теплотой вспоминал русский театр во Владикавказе, который первым распахнул перед ним окно в чудесный и благородный мир человеческого искусства.

В столетнюю историю нашего театра жизни внесла много ярких страниц о творческих связях русской сцены с культурой Осетии, с ее первыми деятелями, с народом.
И. РУСАНОВ.